

ную роль, перенося центр тяжести на «премудрость». Поскольку автор «Горя-Злочастия» не учился в Киево-Могилянской академии и не читал Доната и Скалигера, ему не было места в той словесной культуре, которую хотел создать Симеон Полоцкий. Этот аристократизм — не словесный, а интеллектуальный, — бросается в глаза при чтении «Вертограда многоцветного». Проиллюстрирую его характерным текстом:

Г л а с н а р о д а

Что найлаче от правды далеко бывает,
 гласу народа мудрый муж то причитаєт.
 Яко что либо народ обыче хвалити,
 то конечно достойно єсть хулимо быти,
 И что мыслит, суетно; а что поведает,
 то никоея правды в себе заключает.
 Еже гаждаєт дело, то весма благоє,
 а ежс ублажаєт, то бохма єсть злоє.
 Вкратце, — что либо хвалит, то неправо в чєсти,
 мир сей непостоянный весь лежит в прєлєсти.
 Не веруй убо гласу общєму народа
 ищи в деле правды чєловєча рода.
 Слово ветр развєваєт, а кто тому верит
 безрассудно, срамоты мзду себе возмерит.¹⁸

Следует, конечно, оговориться, что презрительное отношение к народу, к его «подлому» искусству, суждениям и образу жизни прямо предусматривалось тогдашней эстетикой. Поэтический курс, читанный в Киево-Могилянской академии в 1696/97 учебном году, содержит такое утверждение: «Несчастья человека незнатного, частного не возбуждают в достаточной степени сочувствия, так как простолюдина нельзя счесть счастливым, потому что счастье измеряется знатностью происхождения, почестями, средствами».¹⁹ Таким образом, сервиллизм и угодничество, в которых принято упрекать киевских и московских стихотворцев XVII в., имели и теоретическое обоснование. Однако для Симеона Полоцкого критерием общественной ценности человека была образованность — та схоластическая образованность, которая среди апологетов «латинства» в канун преобразований считалась верхом премудрости.

Признание самодовлеющей ценности образованности выразилось, в частности, в том, что Симеон не придавал особого значения разномыслию между греко-православной и католической церковью. Господь, писал он в предисловии к «Вертограду многоцветному», «не единому человеку, не единому селу, граду или царству вся нужная отдал єсть, но различным странам различные земли плоды, роды их, виды и силы, художества же, обилия, богатства, искусства благоволил дарствовать, да вси всех требующе нуждею ко знаємости и дружеству убеждаєми, любовь взаимотворную стяжаєм» (л. 2). Более того — в круг respectable премудрости он включал и «еллинские» книги, хотя со многими оговорками.

Иєроним блаженный зєло книжен бяше,
 но и еллински книги любєзно читашє.
 Єдиноу от бога болєзнь нань пустиєся,
 и дєже к смєрти плотєстєй ужє приближєєся.

¹⁸ БАН 31.7.3, лл. 97 об.—98. Все цитаты из «Вертограда многоцветного» даются по этому списку, просмотренному и выправленному Симеоном Полоцким.

¹⁹ Цитирую по кн.: В. И. Резанов. Из истории русской драмы. Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910, стр. 20. Это — буквальное заимствование из «Поэтики» А. Доната и одновременно общее место для раздела о трагедии, откуда взята выдержка.